

Fursenko A., Naftali T.J. Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary. N.Y., L.: W.W. Norton & Co Ltd, 2007. 640 p.

Kuklick B. Blind Oracles: Intellectuals and War from Kennan to Kissinger. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2007. 264 p.

Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y.: Hill & Wang, 2007. 608 p.

Miscamble W.D. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2006. 414 p.

Zubok V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev (New Cold War History). Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2007. xvi + 472 p.

«Э то честный человек, — заявил новый американский президент, впервые лично встретив хозяина Кремля, — с ним можно иметь дело»¹. Речь не о пресловутом саммите в Словении в 2001 году, когда Джордж Буш «заглянул в глаза» Владимиру Путину: эту фразу записал в своем дневнике 17 июля 1945 года Гарри Трумэн. В обоих случаях очарования первой встречи хватило ненадолго. Уже к 1947 году холодная война между СССР и США была в самом разгаре.

О «новой холодной войне» между США и Россией говорят уже давно: еще с конца 1990-х российские журналисты объявляли холодной войной едва ли не каждое обострение американо-российских отношений. Сейчас слова о холодной войне звучат все серьезнее. В мае 2006 года прямые отсылки к легендарной фултонской речи Черчилля прозвучали в выступлении вице-президента США Дика Чейни — тогда намек на возможность «новой холодной войны» был впервые сделан на столь высоком уровне. «Вильнюсская речь» Чейни стала сенсацией, но воспринималась все-таки как художественное преувеличение. Сейчас, однако, с поставленным им диагнозом никто особенно и не спорит. «Сегодня мы имеем возможность воочию наблюдать механизм возникновения холодных войн», — пишет, например, глав-

ный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор Лукьянов². Кирилл Рогов, возражая Лукьянову, спорит лишь о природе нового глобального противостояния, а не о его наличии³. Если Лукьянов видит причину «новой холодной войны» во «взаимных уколах и укусах, которые раскручивают спираль раздражения», то есть в действиях отдельных безответственных политиков⁴, то Рогов говорит о системных противоречиях: о нарастающей конкуренции между традиционным рыночным капитализмом и набирающим силу лагерем «государственного капитализма». Для Кремля же тезис о «новой холодной войне» оказался особенно привлекателен: по сути, он подразумевает, что нынешняя Россия, подобно СССР, является державой, принципиально равновеликой США. Так, Глеб Павловский, рассуждая о глобальном предназначении России на ближайшие годы, переворачивает метафору с ног на голову и говорит о необходимости «сдерживания» США, как США в свое время сдерживали Советский Союз — поскольку, «рассматривая [сегодняшнюю] мировую сцену, трудно обнаружить на ней что-либо аналогичное сталинскому триумфализму конца 40-х годов, кроме бушистских США»⁵. Наконец, выступая в конце октября в Португалии, сам президент Путин сравнил американо-российский конфликт вокруг размещения США своей

системы ПРО в Восточной Европе с Карибским кризисом⁶. Вопрос о механизмах возникновения конфликта перестает быть чисто академическим: рассуждая о холодной войне, мы на самом деле говорим о природе сегодняшних взаимоотношений России с остальным миром.

«Настоящая» холодная война закончилась уже полтора десятилетия назад, и хотя многие архивные документы до сих пор недоступны для исследователей, сегодня мы имеем куда более полное и достоверное представление и о самих событиях той поры, и о мотивах их участников. В итоге можно выделить несколько основных направлений переосмысления истории холодной войны.

ТЕМА 1: МНОГОПОЛЯРНОСТЬ Ход холодной войны задавался не только действиями генсеков СССР и президентов США: повествование о ней сегодня гораздо богаче действующими лицами, чем лет тридцать назад, и чем дальше, тем более значимой оказывается роль этих персонажей. Мы отходим от идеи о том, что история второй половины XX века была историей взаимоотношений двух людей: лидера в Кремле и лидера в Белом доме; на самом деле мир был куда более «многополярным», чем казалось прежде. В первую очередь это касается, конечно, Советского Союза. Данная тенденция хорошо видна в превосходной новой книге академика Александра Фурсенко и американского историка Тимоти Нафтали⁷. Их работа во многом основана на предыдущей совместной книге (доступной и в русском издании⁸), посвященной Карибскому кризису; сейчас, однако, соавторы, пользуясь вновь открытыми богатейшими архивными материалами, в частности, протоколами заседаний политбюро, рисуют панораму советской внешней политики, охватывающую весь хрущёвский период.

Одна из центральных тем книги — роль так называемых «сателлитов» и стран Третьего

мира в событиях той эпохи. Рассекреченные документы со всей очевидностью показывают, что лидеры и стран восточного блока, и «национально-освободительных» режимов в Азии и Африки вовсе не были послушными марионетками — напротив, они активно манипулировали советскими товарищами в своих собственных интересах⁹. Речь идет не только о хрущёвском десятилетии: сегодня ясно, например, что именно Фидель Кастро, вопреки сомнениям брежневского руководства, втянул СССР в войну в Анголе¹⁰. Когда направленный им в Африку кубинский контингент оказался вовлечен в боевые действия с южноафриканскими формированиями, Москве пришлось вмешаться: допустить поражения своего «союзника» в условиях холодной войны Кремль не мог. Фурсенко и Нафтали показывают также, как манипулировал советскими вождями Вальтер Ульбрихт, который играл на их фобиях и тщеславии, а иногда и просто ставил их перед свершившимся фактом. Именно опасавшийся за прочность своего режима Ульбрихт, пишут Фурсенко и Нафтали, саботировал разрешение кризиса вокруг Западного Берлина. Еще более цинично пользовались советско-американским соперничеством такие лидеры, как Насер, который ухитрился и оснащать свою армию советским оружием, и одновременно заигрывать с США, и репрессировать собственных коммунистов.

Историки все больше пишут о многоголосье, переплетении конкурирующих интересов и мнений — как в советском лагере в целом, так и внутри его правящей верхушки. В самом СССР, даже в наиболее мрачные сталинские годы, оставалось пространство для сложной динамики отношений внутри партийного руководства. Владислав Зубок, в частности, показывает в своей книге, насколько значительную роль играли в послевоенных советских авантюрах в Турции и Иране национальные элиты Грузии,

Армении и Азербайджана, надеявшиеся, что Сталин поможет им добиться включения в состав их республик «исторических», «утраченных» земель — подобно тому, как украинские партийцы гордились «воссоединением» Западной Украины¹¹. Зубок, конечно, не утверждает, что республиканские секретари манипулировали Сталиным, однако очевидно, что в данном случае они были больше чем простыми исполнителями. Центральная сюжетная линия в книге Фурсенко и Нафтали — это взаимоотношения Хрущёва и Анастаса Микояна, которому раз за разом удавалось удерживать вождя от опрометчивых внешнеполитических решений. Фурсенко и Нафтали приходят к выводу, что именно Микоян несколько раз спасал мир от ядерной войны, в том числе в ходе Карибского кризиса. Для этого, как следует из протоколов политбюро, ему приходилось и прямо возражать Хрущёву, и пускаться в закулисные интриги, иной раз организуя самые настоящие заговоры.

В западном лагере степень «многополярности» тоже была куда выше, чем считалось ранее в рамках традиционной истории холодной войны. Историки подчеркивают, что Британия в ту пору вела вполне самостоятельную политику, преследуя собственные интересы. В книге Джонатана Фенби, посвященной отношениям Рузвельта, Черчилля и Сталина в военные и послевоенные годы, «большая тройка» предстает настоящим «треугольником», в котором британский лидер всячески стремился завоевать расположение Рузвельта, но при этом вырабатывал собственную линию поведения¹².

ТЕМА 2: ВЗАИМОНЕПОНИМАНИЕ Знакомство с бумагами американских президентов и протоколами политбюро позволяет понять, как мыслили лидеры. При этом историки все чаще говорят о том, что именно «взаимонепонимание» было одним из важнейших

механизмов, который десятилетиями поддерживал страны в состоянии холодной войны. Иными словами, причина холодной войны в том, что американцы и русские слишком мало знали друг друга и в политическом, и даже в бытовом смысле¹³. В силу разного жизненного опыта, разного образования, разных культурных традиций сторонам было непросто воспроизвести логику оппонента. Подобное непонимание ярко проявилось, например, в вопросе о ленд-лизе. Американцы были искреннее оскорблены нежеланием представителей СССР выразить благодарность за предоставляемые им машины, технику, боеприпасы, продовольствие и пр. С советской точки зрения, однако, эти поставки были не чем иным, как слабой компенсацией СССР за то, что страна несла на себе основное бремя войны; в известном смысле американские поставки были с лихвой оплачены кровью советских солдат. Конечно, при таком подходе Москва не только не собиралась говорить «спасибо», но получала право требовать от США предоставления материалов и кредитов; попытки же увязать ленд-лизские дары с выполнением каких-то условий с негодованием отвергались¹⁴. Между тем, пишет Джонатан Фенби, по мнению Черчилля, Запад ничего не был должен русским — они сражались на своей земле и за свою родину, а вовсе не для того, чтобы выручить союзников¹⁵.

Пожалуй, самое главное состоит в том, что, не понимая своего оппонента, стороны были не способны адекватно прогнозировать его поведение. В частности, искаженный взгляд на западную политическую систему¹⁶ мешал кремлевским лидерам видеть, когда их действия выходят за рамки дипломатической игры между руководством двух сверхдержав и порождают в США общественную реакцию, которая ограничивает имеющиеся у Белого дома возможности для маневра. Излюбленная тактика Сталина в послевоен-

ные годы состояла в том, чтобы доводить кризис до высшей точки, а затем при необходимости сдавать назад; для него речь шла о войне нервов между лидерами двух стран. В ходе иранского кризиса, например, Сталин распорядился о немедленном выводе из страны советских войск буквально за день для обсуждения этого вопроса в ООН. Для него конфликт был на этом исчерпан — вождю и в голову не приходило, что несколько подобных эпизодов, вместе взятые, привели к качественным изменениям в американском восприятии Кремля и американской политике в отношении СССР¹⁷. По словам историка Владимира Печатнова, Сталин, вероятнее всего, не осознавал, что между его действиями и растущим противодействием Запада есть прямая связь¹⁸.

Представления американской стороны были также весьма далеки от реальности. Поразительно, что в первые годы холодной войны администрация Трумэна всерьез считала, что Сталин на самом деле «вынужден» проводить жесткую политику в отношении Запада «под давлением» своих коллег — утверждалось даже, что он является «пленником Политбюро». Еще осенью 1946 года госсекретарь Джеймс Бирнс обвинял в неудаче сентябрьского заседания Совета министров иностранных дел в Лондоне лично Молотова и планировал жаловаться на него Сталину, который якобы «хотел мира»; «что же будет, если Сталин умрет», волновался Бирнс¹⁹.

ТЕМА 3: ИДЕОЛОГИЯ И РЕАЛИЗМ Важнейшей темой дискуссии является то, какое место в холодной войне занимала идеология и идеи вообще. Консенсуса здесь пока нет, поскольку не очень понятно, что имеется в виду, когда мы говорим о роли коммунистической (или любой другой) идеологии во внешней политике. С одной стороны, как пишет Войтех Мастный, архивы свидетельствуют о том, что советских лидеров можно

было обвинять в чем угодно, но только не в двойной бухгалтерии: за закрытыми дверями они обсуждали международное положение и советскую внешнюю политику, используя тот же понятийный аппарат, что и внешнеполитические материалы газеты «Правда»²⁰. Однако цели советской внешней политики, похоже, определялись все же классическими соображениями национальной безопасности. По выражению Джона Льюиса Гаддиса, Сталин стремился обеспечить «безопасность для себя, своего режима, своей страны и своей идеологии, причем именно в такой последовательности»²¹. К этому моменту интересы мирового коммунистического движения и распространения коммунизма по всему миру были для советских вождей скорее ритуальной формулой, чем реальным фактором, влияющим на принятие решений.

Противоречия здесь нет. Действительно, Зубок в цитируемой монографии убедительно доказывает, что с самого начала холодной войны советская политика была «имперской», то есть определялась не задачей распространения коммунизма во всем мире, а интересами СССР как традиционной державы. Все более прагматичной выглядит при ближайшем рассмотрении и политика США. Разумеется, «Длинная телеграмма» Кеннана и фултонская речь Черчилля оказали определенное влияние на отношение и общества, и американского истеблишмента к СССР, и политике сотрудничества с ним. Но как показывает в своей новой книге «От Рузвельта к Трумэну: Потсдам, Хирোসима и холодная война» американский историк Уилсон Д. Мискэмбл²², прямого влияния на действия администрации Трумэна они не оказали: сомнения и колебания по поводу проведения «жесткой линии» в отношении Москвы сохранялись на протяжении всего 1946 года. В частности, рассуждения Черчилля о «железном занавесе» в Европе не помешали США признать просоветские правительства

Болгарии, Румынии и Венгрии. Мискэмбл в своей книге утверждает, что «физическое» начало холодной войны было связано не с идейными соображениями, а с событиями вокруг Турции и Греции осенью 1946 года. Советский Союз заявил о притязаниях на включение Турции в свою зону влияния еще осенью 1945 года на лондонской встрече Совета министров иностранных дел: Москва, в частности, настаивала на изменении статуса черноморских проливов, предоставлении ей военно-морских баз в Турции и даже передачу ей Карса и других территорий. Одновременно, кстати, посол СССР в США Андрей Громько вручил Госдепартаменту ноту, содержащую претензии на бывшие итальянские колонии, — в частности, Москва хотела получить под опеку Триполитанию (сегодняшнюю Ливию). Советские притязания в отношении Ливии были отвергнуты сразу же, однако напряженность вокруг Турции нарастала вплоть до августа следующего года, когда Москва сформулировала свои требования в официальной ноте, направленной в адрес Анкары. Параллельно с этим Москва осуществляла масштабные перегруппировки войск на Балканах и пыталась закрепиться в Северном Иране. Свою роль сыграло и то, что британское правительство, в чью сферу влияния традиционно входило Восточное Средиземноморье, официально заявило о неспособности впредь оказывать помощь Турции и Греции²³.

И все же представить холодную войну как деидеологизированное соперничество в духе *Realpolitik* довольно сложно; сама концепция *Realpolitik* оказывается проблематичной. Имперский проект, о котором говорит Зубок, имеет существенный идеологический оттенок. Известно, что сразу после войны в СССР возникли ожидания каких-то неопределенных изменений, улучшения жизни в целом. Вернувшиеся домой победители гораздо острее ощущали собственное

достоинство и значимость, а высший генералитет и партийное руководство явно считали, что заслужили право на большую роль в управлении страной. Зубок утверждает, что взамен Сталин предложил стране имперский проект — и общество с энтузиазмом на него откликнулось. «Новыми славянофилами-ленинистами» воображали себя не только советские аппаратчики (этот термин занес в свой дневник, со ссылкой на Сталина, один из наркомов), но и вполне интеллигентные граждане. «Я не шовинист, но проблема польских территорий сильно меня беспокоит», — рассуждал, по данным НКВД, профессор философии в Ленинграде²⁴.

В действительности дихотомия «идеология — геополитика» кажется не вполне правомерной. Утверждение, что цели советских руководителей определялись соображениями национальной безопасности (в их понимании), а не мессианским стремлением к мировой революции вовсе не исключает того, что коммунистическая идеология определяла их представление о мироустройстве и о том, как функционирует система международных отношений. Сталин, например, всерьез ожидал с окончанием войны усиления «противоречий» в «империалистическом лагере» и конфликта между США и Великобританией. Кроме того, согласно его пониманию капиталистической экономики, после войны неизбежно должна была возобновиться экономическая депрессия, а значит, полагал Сталин, США сами будут заинтересованы в том, чтобы ссудить СССР миллиарды долларов в обмен на предоставление их товарам доступа в СССР²⁵. Иными словами, теоретические установки советского руководства не могли не влиять на само понимание «безопасности» и выбор оптимальных способов ее достижения. В этом смысле коммунистическая идеология становится функционально аналогичной тем представлениям, которые лежали в основе внешней политики

США в эпоху холодной войны (или, например, в первые годы президентства Джорджа Буша-младшего). Увоенные теоретические (или идеологические — кому какой термин больше нравится) убеждения сегодняшних российских прагматиков искажают восприятие действительности не в меньшей степени, чем установки, которыми руководствовался Джордж Буш накануне вторжения в Ирак или Сталин. Функциональное сходство не означает моральной равноценности, однако история того, как абстрактные схемы влияли на мышление обеих сторон, позволяет внести уточнения в нашу картину холодной войны.

Примером того, как вполне «научные» идеи начинали влиять на внешнеполитические решения, разбирает в своей книге историк Брюс Куклик²⁶. Вообще, попытки применить идеи тейлоризма и зачатки научного менеджмента к ведению и планированию военных действий предпринимались еще до Второй мировой войны, однако событием, открывшим политологам и теоретикам управления дорогу в правительственные кабинеты в Вашингтоне, стала программа, в рамках которой изучалась результативность стратегических бомбардировок, развернутая американскими военными сразу после войны. Военно-воздушные силы США добивались признания своего вклада в победу и рассчитывали обосновать подобные претензии, придав им вид научности. Сотрудничество ВВС со специалистами в области изучения операционной деятельности²⁷ и аналогичных дисциплинах оказалось настолько плодотворным, что военные летчики решили нанять гражданских исследователей на постоянной основе, создав собственный аналитический центр (*think-tank*) — *RAND Corporation*, а многие из участников программы, изучавшей эффективность бомбардировок, впоследствии играли ведущую роль в нескольких администрациях.

Президент Джон Кеннеди привлек в Белый дом большое число блестящих и относительно молодых профессоров, авторов модных работ в области конфликтологии, теории принятия решений и др.; по числу «теоретиков» в аппарате Белого дома администрация Кеннеди очень напоминала первую администрацию президента Буша-младшего, в которой значительную часть также составляли теоретики — приверженцы неоконсерватизма. Налицо здесь параллель и с коммунизмом: профессора-обществоведы, выходцы из той же *RAND Corporation*, подобно советским идеологам, опиравшимся на марксистско-ленинскую идеологию, претендовали на умение «научно» анализировать поведение других держав и оперировали абстрактными категориями; именно им мы обязаны такими научными терминами, как «гарантированное взаимное уничтожение» или «ограниченная ядерная война». Теории эти пользовались спросом: само существование атомного оружия, казалось, требовало особого, научного подхода к выработке внешней политики.

Однако Куклик не скрывает, что претензии военных и их помощников на научность были сомнительны с самого начала. Характерно, что первыми, кому ВВС доверили анализ стратегических бомбардировок, были университетские профессора истории, но те быстро заявили, что сколько-нибудь точно оценить их вклад в победу невозможно. Призванные им на смену специалисты по менеджменту и юриспруденции взялись за дело без лишних сомнений — и подтвердили, что вклад стратегических бомбардировок в победу был едва ли не решающим. В итоге Куклик выносит своим героям довольно жесткий приговор. «Интеллектуалы» достигли наиболее высоких постов при президенте Кеннеди, однако их роль в разрешении, например, Карибского кризиса была минимальной. Они не смогли ни предотвратить

вьетнамскую войну, ни найти выход из нее. Более того, как показывает историк, после Карибского кризиса «теоретикам» показалось, что они «поняли», как работают международные отношения, — и это подтолкнуло их к еще более жесткой позиции в отношении Вьетнама. В целом же, доказывает Куклик, даже находясь рядом с президентами, влияния на политику они не оказывали — наоборот, президенты и генералы использовали их для последующего оправдания и обоснования принятых ими решений.

ТЕМА 4: КТО ВИНОВАТ? Холодная война с ее атмосферой глобального ядерного страха пришла на смену «боевому содружеству» внезапно — на переход от союзнических отношений к противостоянию понадобилось всего-то два года. Не удивительно поэтому, что споры о причинах холодной войны традиционно выливаются в рассуждения на тему «Кто виноват?» — столь резкое изменение климата весьма соблазнительно объяснить чьими-то злонамеренными действиями; искушение тем сильнее, что кардинальный перелом в советско-американских отношениях совпал со сменой администрации в США. Заглавную роль в развязывании холодной войны Гарри Трумэну приписывают и многие историки ревизионистской школы в США, и конечно же официальная советская пропаганда, противопоставлявшая его «истинному другу СССР» Франклину Делано Рузвельту²⁸. Традиционная же американская историография в общем и целом возлагает ответственность за начало холодной войны на Сталина, а вернее, на его политику в занятой советскими войсками Центральной и Восточной Европе.

Смена курса в Вашингтоне в 1946–1947 годах действительно произошла — отрицать это невозможно; другое дело, как именно и почему это случилось. Как показывает Уилсон Мискэмбл, подробно разбирающий

в своей книге трансформацию американской внешней политики в 1945–1947 годах, Рузвельт в самом деле стремился к сотрудничеству с СССР: дружественных отношений с Москвой требовала та концепция послевоенного мироустройства, которой придерживался американский президент. И он сам, и общественное мнение в США надеялись после победы над державами «оси» исправить ошибку 1918 года, когда под влиянием изоляционистов Америка отказалась вступить в Лигу Наций и тем самым — как предполагалось — сделала возможным усиление Гитлера и развязывание Второй мировой войны. Рузвельт надеялся, что на этот раз державам-победительницам удастся построить работоспособную систему коллективного предотвращения и разрешения конфликтов (то есть Организацию Объединенных Наций), которая позволила бы избежать будущих войн. Разумеется, для осуществления этих планов было необходимо полноценное участие в такой системе коллективной безопасности Советского Союза, который должен был стать одним из «четырех полицейских» (прообраз Совета Безопасности ООН) — великих держав, отвечающих за поддержание глобального мира. Речь шла не только о мечтаниях самого президента, желавшего облагодетельствовать человечество, — Рузвельт считал свой план крайне важным и с внутривластной точки зрения. Если бы его удалось реализовать, Соединенным Штатам не пришлось бы сохранять значительное военное присутствие за рубежом, к которому избиратели, как казалось, были не готовы, и одновременно стало бы невозможным возвращение Америки к изоляционизму.

Именно надеждами на подобное послевоенное мироустройство и объясняется политика Рузвельта в отношении СССР, пишет Мискэмбл. Ради этой мечты Рузвельт закрывал глаза на все те шаги Москвы,

которые воспринимались и Черчиллем, и многими советниками Рузвельта как грубое нарушение обязательств, взятых ею на себя в Ялте. В последние недели и месяцы своей жизни — как раз когда Сталин начинал устанавливать свой контроль в Восточной Европе — Рузвельт был особенно заинтересован в сотрудничестве с Кремлем, поскольку дело шло к созданию ООН и присутствие советской делегации на конференции в Сан-Франциско было необходимо для придания ей легитимности. Мискэмбл оценивает поведение легендарного президента весьма критически: с точки зрения историка, поверив в собственную схему, Рузвельт затем упорно обманывал самого себя. Автор приводит примеры того, как президент откровенно игнорировал факты: например, разделяя весьма жесткие оценки (и со стороны британцев, и со стороны некоторых собственных советников) советской политики в Польше, отказывался делать выводы касательно перспектив американо-советских отношений в целом. В результате, несмотря даже на такие события, как «Бернский инцидент» (легший в основу фильма «Семнадцать мгновений весны») ²⁹, Рузвельт вплоть до самой смерти был уверен, что установленные им личные отношения со Сталиным позволят в итоге преодолеть все разногласия между СССР и США, в том числе и в Восточной Европе ³⁰.

Мискэмбл показывает, как, став президентом, Трумэн искренне пытался следовать «курсом Рузвельта» и лишь после больших колебаний постепенно склонился к более конфронтационному курсу ³¹. Сталин, пишет Джон Льюис Гаддис, которого считают ведущим западным специалистом по истории холодной войны, также не стремился к разрыву с западными союзниками — нормальные отношения с ними были необходимы ему для того, чтобы его ослабленная бойней империя могла достичь послевоенных целей, не неся слишком больших издержек. Вопрос

был в том, удастся ли ему добиться своих целей, не оттолкнув западных союзников. Как отмечает Гаддис, огромные военные потери давали СССР некоторые основания претендовать на увеличение своего влияния — но одновременно они же лишили СССР ресурсов, необходимых для реализации собственных притязаний ³².

Сталин, однако, воспринимал рассуждения Рузвельта о «четырех полицейских» по-своему — для него речь шла именно о разделе сфер влияния, а поведение американского президента в последние месяцы войны он воспринимал как молчаливое признание права Кремля проводить соответствующую политику в регионе. В целом к началу 1945 года в Москве сложилось четкое убеждение, что США не претендуют на Восточную Европу и дали добро на ее включение в зону советских интересов, пишет Владислав Зубок ³³. На этом фоне очевидно, что политика Рузвельта, как и указывает Мискэмбл, была бесперспективной. Его концепция будущего в принципе не допускала геополитического разделения мира — тогда как в Советском Союзе уже в 1941 году подробно прорабатывали будущие контуры такого мироустройства. К 1943 году в Наркомате иностранных дел уже существовали подробные планы, предусматривавшие «определенное принуждение со стороны великих держав в отношении малых и средних стран» в соответствии с принципом «разграничения сфер влияния по принципу ближайшего соседства». К 1945 году советское видение мира (в первую очередь, конечно, Европы), разделенного на зоны геополитических интересов, окончательно оформилось в программных документах, причем «максимальная сфера интересов» включала не только Чехословакию, Польшу, Венгрию, Румынию, Югославию и Болгарию, но и такие страны, как Финляндия, Норвегия, Швеция, и Турция ³⁴. В июне—июле 1945-го предполагается

мая территория советского влияния должна была включать также Сирию, Палестину и зону Суэцкого канала.

Рузвельт ожидал, что «четыре полицейских» будут контролировать мир сообща, в духе искреннего сотрудничества, вместо того, чтобы растаскивать его на куски в соответствии с традиционным пониманием баланса сил и сфер интересов; США, разумеется, отводилась роль «первого среди равных»³⁵. При этом предполагалось, что великие державы не будут вмешиваться в происходящее в «сферах безопасности» друг друга, что делало рузвельтовскую концепцию мироустройства совершенно нежизнеспособной.

В этом смысле трудно согласиться с теми, кто считает, подобно американскому историку Мэлвину Леффлеру, что «холодная война не была predetermined: лидеры делали выбор». Леффлер пишет в упомянутой выше книге (см. прим. 4), что идеология и «исторический опыт» обострили у американских лидеров ощущение угрозы, заставляя их слишком бурно реагировать на поведение Советов. Автор подробно рассматривает пять эпизодов, когда, по его мнению, Москва и Вашингтон всерьез задумывались о том, чтобы нормализовать отношения или избежать дальнейшего обострения. В частности, после окончания войны Сталин, по мнению Леффлера, допускал, что сотрудничество с Западом может быть предпочтительнее конфронтации; Леффлер также разбирает отношения Эйзенхауэра и Маленкова, Картера и Брежнева и др. При этом он полагает, что у глав государств был шанс, а неспособность договориться, которую проявляли, например, Хрущёв и Кеннеди/Джонсон, с его точки зрения, была обусловлена грузом стереотипов и давлением на советского и на американских лидеров со стороны их советников и иностранных союзников, а вовсе не какими-то непреодолимыми обстоя-

ми. Логика Леффлера проста: если Рейган и Горбачёв сумели так легко окончить холодную войну, почему же мы считаем, что это не могло случиться ранее?

Однако очевидно также, что у холодной войны была и своя внутренняя логика, как это видно на примере кризиса 1958 года, когда в ответ на переворот в Ираке США усилили свое военное присутствие в Ливане. В целом Хрущёв, как указывают Фурсенко и Нафтали, верил в «мирное соревнование» двух систем (которое, разумеется, должно было окончиться победой СССР). Тем примечательнее его реакция в данном конкретном случае. Как показывают историки, Вашингтон и Лондон тогда задумывались было о военной интервенции в Ираке, но быстро оставили эту идею; Хрущёв этого не знал и думал, что дело идет к вторжению. Продиктованное им в этот момент письмо Дуайту Эйзенхауэру дышит неожиданной яростью: Хрущёв обвиняет президента в агрессии и сравнивает его с Гитлером, планирующим нападение на Польшу. Столь острая реакция удивительна: Ирак никогда не входил в советскую зону влияния; примечательно, что даже ярые сталинисты в политбюро считали проводившуюся Хрущёвым активную политику на Ближнем Востоке ненужной и опасной авантюрой. Между тем, с точки зрения самого Хрущёва, в Ираке он выиграл «по-честному»: страна выбрала «правильный» путь как более привлекательный (хотя в действительности новые лидеры в Багдаде не имели никакого отношения к марксизму и, более того, осуществляли жесткие репрессии против местных коммунистов); Запад же пытался переиграть партию, действуя не по правилам. С позиции Хрущёва сам факт установления в Ираке номинально «прогрессивного» режима переводил страну в советскую зону влияния. Разумеется, такой подход являлся вернейшим рецептом для неограниченной

глобальной экспансии — и делал «холодную войну» неизбежной³⁶.

Сегодня мы вновь наблюдаем в действии многие из описываемых механизмов возникновения холодной войны. Безусловно, взаимонепонимание является одним из ключевых факторов в нынешних отношениях между Россией и США. Российские руководители в Кремле, похоже, действительно не сознают, как функционирует западная политическая система, не веря, в частности, что суды и пресса могут быть действительно независимы³⁷. Со своей стороны, большинство представителей западного истеблишмента, как кажется, недооценивают степень цинизма кремлевских лидеров.

Актуален и другой урок холодной войны: пытаясь понять причины и динамику сегодняшних конфликтов, не стоит сводить их к решениям и устремлениям Москвы и Вашингтона, и тем более Путина и Буша. Об идеалистической подоплеке внешней политики Джорджа Буша-младшего сказано немало, но, судя по всему, даже те из российских политиков, кто считает себя циничными прагматиками, планируя тактические шаги, исходит из заученных представлений о мире и международных отношениях. В известном смысле «прагматизм» превратился для них в идеологию, мешающую адекватно воспринимать политические процессы — например, не позволяя поверить, что «революции» в Грузии и на Украине это действительно еще и народный порыв, а не только «происки» ЦРУ и олигархов. Интересных параллелей между холодной войной и днем сегодняшним много и в мелочах: в частности, хотя стратегическим соперником Москвы в послевоенные годы был, конечно, Вашингтон, конфликту с США предшествовало резкое, крайне эмоциональное обострение отношений с Великобританией,

которое трудно объяснить геополитическими причинами³⁸.

Однако все изложенное выше не помогает нам понять, чем же именно холодная война отличалась от конфликтов предшествующих эпох. В конце концов, это был не первый случай в истории, когда бывшие союзники, одержав сообща победу, не смогли поделить добычу и вдруг оказались соперниками. Именно так произошло, например, в начале XIX века, когда на смену «антинаполеоновской коалиции» пришло геополитическое противостояние между Великобританией и Россией, а их среднеазиатское соперничество уже во второй половине XIX больше всего напоминает глобальную конкуренцию между СССР и США. Разумеется, обладание атомным оружием придало противостоянию гораздо более глобальный и апокалиптический характер, однако не только оно определяло отношения между странами³⁹.

Ключевой вопрос и холодной войны, и сегодняшней международной ситуации состоит не в том, как принимаются те или иные решения или какова роль идеологии. Прежде чем говорить о новой холодной войне, надо сначала разобраться в том, что является сегодня системообразующим конфликтом в международных отношениях. И здесь, пожалуй, придется признать, что центральный конфликт наших дней — это вовсе не разногласия между Москвой и Вашингтоном и тем более не противоречия между американским рыночным капитализмом и госкапитализмом Китая или России. Говорить о системных разногласиях между Вашингтоном и Пекином сегодня не приходится. Состояние отношений между двумя странами определяются совсем иными, в первую очередь торговыми и финансовыми, а также традиционными военно-стратегическими соображениями, но никак не противоречиями систем. Что до российско-китайского антиамериканского пакта, основанного на госкапиталисти-

ческом единстве, то он существует все же преимущественно в воображении кремлевских обитателей. Центральный конфликт последних лет — это противостояние между США и Ираном: именно он все больше задает систему координат, в которой выстраиваются отношения между другими странами. Принципиальный вопрос и этого противостояния, и сегодняшней международной ситуации в том, все ли субъекты международных отношений являются морально равноценными, а значит, равноправными⁴⁰.

От решения именно этого вопроса зависит и наше суждение о причинах и итогах холодной войны XX века. Если исходить из того, что СССР был обычным государством (или — иными словами — что все государства априори равны, вне зависимости от их внутреннего устройства), то получается одна картина холодной войны; если же считать, что коммунистическая диктатура по своей природе была явлением особого порядка, картина будет совершенно иной.

В первом случае становится возможным «реалистический» подход, в рамках которого все государства имеют свои интересы, и баланс этих интересов, собственно, и составляет международные отношения. Так, к примеру, рассматривал СССР считавшийся «русофилом» посол Рузвельта в Москве Джозеф Дэвис, а госсекретарь Бирнс даже осенью 1945 года признавал, что стремление СССР окружить себя поясом из «дружественных государств» является столь же легитимным, как аналогичные стремления США или Великобритании⁴¹. Собственно, из этого же исходил и Рузвельт. Как показывает Мискэмбл, президент осудил, например, советскую агрессию против Финляндии и называл сталинский режим «тотальной диктатурой», однако суть советского режима он не вполне улавливал — по крайней мере, ни внутренняя, ни внешняя политика Сталина не вызывала у него морального неприятия. Дело

скорее не в неведении, а в том самом «непонимании»: жизненный опыт Рузвельта не позволял ему представить происходящее в СССР и увидеть Сталина таким, каким он был на самом деле. Американский президент воспринимал советского диктатора в знакомых ему терминах: как жесткого, коррумпированного политического «босса». Судя по всему, именно это и имел в виду Джордж Кеннан, заявивший много позднее, в 1975 году, что, «несмотря на все свое политическое искусство и умение очаровывать, в том, что касается внешней политики [Рузвельт] был очень поверхностным человеком, невежественным дилетантом с крайне ограниченным интеллектуальным кругозором... Он ничего не знал о России и очень мало — о Европе. Это бы еще ничего — хуже то, что он не интересовался советами тех, кто хоть что-то знал об этих местах»⁴².

Существуют, однако, серьезные основания полагать, что Сталин не был «обычным» государственным деятелем, стремящимся распространить свое влияние подобно тому, как это делали главы традиционных европейских держав. Его определение безопасности подразумевало установление «полного и неограниченного контроля над соответствующими территориями и, *ipso facto*, над их населением, их личной жизнью и мыслями»⁴³. Установление контроля сопровождалось массовыми убийствами и репрессиями, искажением и уничтожением социальной, политической, экономической и культурной структуры подчиняемых стран. При таком подходе речи о моральной равноценности СССР и США быть не может. Иными словами, попытка окружить себя «дружественными режимами» в исполнении США (Франции, Великобритании, кого-то еще) — это одно, а в исполнении СССР — совсем другое. Если с этих позиций подходить, например, к Карибскому кризису, то США можно располагать свои ракеты в Турции, а СССР на Кубе — нет, как не может получить раз-

решение на владение оружием граждан, состоящий на учете в наркодиспансере.

Можно ли Ирану обладать ядерной бомбой; можно ли России покупать энергетические активы в Западной Европе — на эти вопросы невозможно ответить «объективно», предварительно не установив, например, что Россия «лучше» или «хуже» Ирана, СССР и т.д. Вопрос состоит в принципиальном выборе между «реалистическим» подходом к международным отношениям и подходом «моралистическим», который допускает возможность принципиального неравенства между государствами. Кремль, разумеется, настаивает на реалистической интерпретации и холодной войны, и нынешней ситуации. Для современного российского подхода вообще характерны призывы отказаться от «идеологии», «зашоренности», «шаблонного мышления» и т.д.⁴⁴ США, напротив, утверждают, что некоторые

режимы — в силу своей природы — морально неравноценны остальным и, соответственно, права их должны быть ограничены. В этом смысле современная ситуация действительно напоминает послевоенные годы. Что же касается собственно холодной войны, то сейчас становится все более очевидно, что дальнейшие архивные поиски нам не помогут — судить об ее итогах мы можем только с моральных позиций. «Мир, я уверен, стал лучше благодаря тому, что этот конфликт развивался именно так, как он развивался, и был выигран именно теми, кто в нем выиграл, — пишет Джон Льюис Гаддис. — Несмотря на все сопровождавшие ее опасности, жестокости, расходы, ненужные шаги и этические компромиссы, холодная война — подобно Гражданской войне в США — была необходима как способ разрешить фундаментальные вопросы раз и навсегда»⁴⁵. ■

ИГОРЬ ФЕДЮКИН

Примечания ¹ *Miscamble W.D.* From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. N. Y. Cambridge Univ. Press, 2006. P. 192

² *Лукьянов Ф.* Идеологическая безответственность // Ведомости. 2007. Сент. 10. Лукьянов полемизирует с американским политологом Робертом Кейганом, по мнению которого мировые процессы будущего будут предопределяться противостоянием США, с одной стороны, и Китая и России — с другой. См.: *Kagan R.* End of Dreams, Return of History // Policy Review. 2007. No 144. August & September (перевод статьи Кейгана см. в этом номере *Pro et Contra* на с. 20–40).

³ *Рогов К.* Новое противостояние: Другой капитализм // Ведомости. 2007. Сент. 17.

⁴ Во многом сходное прочтение холодной войны см., например, в работе *Leffler M.P.* For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y.: Hill & Wang, 2007.

⁵ *Павловский Г.* Сила и правила обращения с ней // Эксперт. 2007. Сент. 17. №34 (575).

⁶ <http://www.kremlin.ru/appears/2007/10/26/>

2205_type63377type63380_149679.shtml

⁷ *Fursenko A., Naftali T.J.* Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary. N.Y., L.: W.W. Norton & Co Ltd, 2007.

⁸ *Фурсенко А., Нафтали Т.* Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

⁹ О странах Третьего мира как театре холодной войны см.: *Westad O.A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2005.

¹⁰ *Zubok V.M.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev (New Cold War History). Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 2007.

¹¹ Ibid. P. 143.

¹² *Fenby J.* Alliance: The Inside Story of How Roosevelt, Stalin and Churchill Won One War and Began Another. L.: Simon & Schuster, 2006.

¹³ Вот характерный пример: «И откуда было знать сливочному мальчику из элитарной аме-

риканской семьи [Джону Кеннеди. — И.Ф.], как рождаются всемирные планы в полукрестьянской голове советского вождя?» (Архангельский А. 1962. СПб.: Амфора, 2007. С. 141).

¹⁴ Zubok V.M. Op. cit. P. 13.

¹⁵ Fenby J. Op. cit. P. 43.

¹⁶ Так, Мао Цзедун решительно не мог понять смысла Уотергейтского скандала. «Что плохого в магнитофонных записях? Разве правители не имеют права управлять?» — спрашивал он премьер-министра Таиланда. «Вы [Великобритания] можете протянуть ему руку, чтобы вытащить из этой переделки?» — спросил он накануне отставки Никсона бывшего британского премьера Эдуарда Хита. См.: Чжан Ю., Холлидей Д. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007. С. 628.

¹⁷ Zubok V.M. Op. cit. P. 45.

¹⁸ Levering R.B., Botzenhart-Viehe V., Pechatnov V.O., Edmondson C.O. Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives. L.: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 114–119.

¹⁹ Miscamble W.D. Op. cit. P. 256.

²⁰ См.: Mastny V. The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1998. P. 9.

²¹ Gaddis J.L. The Cold War. Penguin Books, 2007. P. 11.

²² См. примечание 1.

²³ Miscamble W.D. Op. cit. P. 286–287, 294.

²⁴ Zubok V.M. Op. cit. P. 8–9.

²⁵ Gaddis J.L. Op. cit. P. 12–13.

²⁶ Kuklick B. Blind Oracles: Intellectuals and War from Kennan to Kissinger. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2007.

²⁷ «Исследование операционной деятельности» означает использование математических методов для выявления оптимальных решений в области логистики, управления производством и проч.

²⁸ Представление о том, что Владимир Путин считает Рузвельта в некотором смысле образцом для подражания, стало в последнее время общим местом и в том числе поддерживается кремлевскими идеологами. См., в частности, выступление на этот счет Владислава Суркова на посвященной 125-летию Рузвельта конференции в МГИМО зимой этого года. Еще ранее Путин цитировал Рузвельта в послании Федеральному собранию (http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml). См. также: Frolow V. Waiting for the One. // Russia Profile. 2007. Sept.

18; Фишман М., Вернидуб А. 2008: Сам себе преемник // Русский Newsweek. 2007. 8–14 октября. № 41.

²⁹ Западные союзники отказались тогда разрешить Кремлю послать советского наблюдателя для участия в переговорах о сдаче немецких войск в Северной Италии, после чего 3 апреля Сталин прямо обвинил их в намерении заключить с фельдмаршалом Кессельрингом сепаратное соглашение, по которому немцы якобы должны были открыть свой фронт западным союзникам в обмен на смягчение условий будущей капитуляции. Рузвельт был искренне оскорблен, но по-прежнему убеждал Черчилля, что «мы должны сохранять твердость, и наш курс [в отношении Сталина] является правильным». См.: Miscamble W.D. Op. cit. P. 78.

³⁰ Miscamble W.D. Op. cit. P. 62–86.

³¹ Ibid. P. 34–37.

³² Gaddis J.L. Op. cit. P. 11–12.

³³ Zubok V.M. Op. cit. P. 11–13.

³⁴ Об этом сегодня открыто пишут российские историки даже вполне «патриотической» ориентации. См., например: Быстрова Н. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. С. 8.

³⁵ Miscamble W. D. Op. cit. P. 39.

³⁶ Fursenko A., Naftali T.J. Op. cit. P. 143–184.

³⁷ Ср.: «А что, власть Президента США совсем слабая, что ли? А, скажем, во Франции, насколько я помню, там даже нет ограничения по количеству сроков избрания президента на эту высокую должность» (Владимир Путин). См.: Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» 14 сентября 2007 г. (http://www.kremlin.ru/appears/2007/09/14/2105_type63376type63381type82634_144011.shtml).

³⁸ Дело было вовсе не в личном антикоммунизме Уинстона Черчилля. Сменившее его лейбористское правительство во главе с премьером Эттли и министром иностранных дел Бевином продолжило в отношении СССР курс бывшего премьера — в том числе и потому, что лейбористы были лучше многих других осведомлены о судьбе родственных им социал-демократических партий в оккупированной советскими войсками Восточной Европе.

³⁹ На протяжении первых десятилетий холодной войны считалось, что ядерный конфликт вполне допустим, вероятен и что в нем можно выиграть; концепция гарантированного взаимного